

Н. Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия

Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

Е. Н. Зотова
Челябинск, Россия

«РОССИЙСКАЯ АГРЕССИЯ» ПО-АМЕРИКАНСКИ И «РОССИЙСКИЙ СЛЕД» ПО-УКРАИНСКИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию репрезентаций двух деструктивных феноменов: «российская агрессия» на страницах американских СМИ и «российский след» в украинских средствах массовой информации. В качестве материала для исследования используются макрокорпус «News on the Web» (NOW Corpus) — Британский национальный корпус и украинские интернет-издания. Возможности любого языкового корпуса определяются его использованием в качестве инструмента для изучения и интерпретации аксиогенных ситуаций. В свою очередь, средства массовой информации, материалы которых представлены в национальных языковых корпусах и в сети Интернет, транслируют аксиологические установки и приоритеты акторов политической коммуникации, отражают концептуальную оппозицию «свои — чужие», становятся причиной деструкции политического дискурса. Анализ лингвопрагматических характеристик деструктивных феноменов «российская агрессия» и «российский след» на новом витке информационно-психологической войны свидетельствует о том, что их воздействие является достаточно сильным и вызывает ответную реакцию со стороны российских СМИ и интернет-изданий. Такую реакцию можно охарактеризовать как опровержение или, наоборот, поддержку с высокой негативно-оценочной составляющей. Авторы статьи делают вывод о том, что информационно-психологическая война, разворачивающаяся в настоящее время на страницах средств массовой информации, характеризуется трансляцией деструктивных смыслов и ведет как к психологическому и речевому воздействию на целевую аудиторию, так и к дестабилизации отношений между государствами. В целом ситуация, при которой журналистика фактов подменяется журналистикой мнений, а информационная война превращается в информационную агрессию, является опасной и ведет к дестабилизации отношений между народами и государствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аксиогенная ситуация; политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; образ России; корпусные исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет); 454000, Россия, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail: nkoshka@rambler.ru.

Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

Зотова Елизавета Николаевна, студент, бакалавриат, направление «Международные отношения», кафедра «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 169; e-mail: lizazotova45@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе существования лингвистической науки одно из ее направлений — корпусная лингвистика — переживает настоящий бум. Подтверждением тому служит большое количество работ, обосновывающих необходимость применения корпусных исследований для изучения различных типов дискурса, описывающих преимущества и недостатки заявленной методики [Богоявленская 2016; Борискина, Донина 2016; Борискина, Шилихина 2017; Воркачев 2016; Задобриковская, Борискина 2016; Bogoyavlenskaya, Nakhimova, Chudinov 2016; Brinton 2012; López-Couso, Méndez-Naya, Núñez-Peretejo, Palacios-Martínez 2016; Postolea 2014]. Лейтмотивом большинства публикаций по вопросам использования методов корпусной лингвистики является мысль о том, что информационно-коммуникационные технологии (Information and Communication Technologies — ICT) могут дать «возможность взглянуть на,

казалось бы, достаточно изученное явление в ином ракурсе, что будет способствовать приращению знания междисциплинарного характера» [Борискина, Шилихина 2017: 31].

В качестве преимуществ языковых корпусов О. Ф. Задобриковская и О. О. Борискина выделяют следующие признаки: «сбалансированность по разным параметрам; специализированный поисковый интерфейс и морфологическая, синтаксическая и редко семантическая разметка» [Задобриковская, Борискина 2016: 205]. К недостаткам корпусных исследований Ю. В. Богоявленская относит отсутствие валидной методики проверки репрезентативности корпуса, позволяющей определить «необходимо-достаточное количество текстов, обеспечивающих решение исследовательских задач» [Богоявленская 2016: 164]. Полагаем, что корпусом, репрезентативным с речевой и культурной точек зрения, является макрокорпус «News on the Web» («NOW Corpus»), который включа-

ет более 5 млрд слов из газет и журналов, размещенных в сети Интернет, с 2010 г. до сегодняшнего дня (на январь 2017 макрокорпус насчитывал 3,8 млрд слов [Борискина, Шилихина 2017: 32]).

Ценность любого языкового корпуса определяется возможностью его использования в качестве инструмента изучения и интерпретации аксиогенных ситуаций, под которыми В. И. Карасик понимает «положение дел, заслуживающее внимания, допускающее переосмысления и, главное, выражающее ту или иную ценность — высший ориентир поведения» [Карасик 2015: 6]. Средства массовой информации, материалы которых представлены в национальных языковых корпусах, как нельзя лучше отвечают предложенному определению. Т. Г. Добросклонская приводит следующие функции СМИ в современном обществе: «формирование общественного мнения, создание определенного идеологического фона, **пропаганда той или иной системы ценностей** (выделено нами. — Н. К., Н. Р., Е. З.), движение языковой нормы, состояние национальной культуры» [Добросклонская 2010: 19].

В целом система функций СМИ, по мнению Т. Г. Добросклонской, включает в себя следующие компоненты: 1) информативная; 2) развлекательная; 3) образовательная; 4) рекламная; 5) идеологическая [Добросклонская 2010: 21]. Безусловно, данный список может быть продолжен и изменен в соответствии с новыми политическими и дискурсивными условиями и обстоятельствами. Можно предположить, что идеологическая функция имела первостепенное значение в партийно-советский период, когда отечественная печать выполняла пропагандистские, агитационные и организаторские задачи. Однако в условиях информационной войны эта функция вновь актуализируется, становится одним из наиболее важных средств ведения информационной войны, когда «конфликтующие стороны уже открыто объявляют своим противникам информационную войну» [Суходолов 2015: 121]. Современные средства массовой информации очень изобретательны в создании идеологически маркированных феноменов, которые позволяют «противопоставить поступки, подтверждающие принадлежность участников коммуникативной ситуации той или иной группе, осознающей свою идентичность и противопоставляющей себя другим группам» [Карасик 2011: 32]. К числу таких идеологически маркированных феноменов, детерминированных геополитической ситуацией и претендующих на роль лингвокультурологических

концептов, относятся образы «российской агрессии» и «российского следа», активно используемые в западных и украинских средствах массовой информации.

«РОССИЙСКАЯ АГРЕССИЯ» В АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Трансляция аксиологических установок и приоритетов того или иного актора политической коммуникации, детерминированная концептуальной оппозицией политического дискурса («свои — чужие»), может стать причиной его деструкции. Под деструкцией дискурса мы понимаем «нарушения кодирования/декодирования информации, влияющие на процесс восприятия и интерпретации мировых событий и обусловленные культурными различиями, этноцентризмом, стереотипами, свойственными участникам коммуникации» [Кошкарлова 2015: 127]. Так, одним из активно употребляемых в западных СМИ стало словосочетание *Russian aggression* — *российская агрессия* и метонимический вариант *Moscow's aggression* — *агрессия Москвы*.

Целью данной части исследования является анализ лингвопрагматических характеристик репрезентации феномена «российская агрессия» на страницах американских СМИ. Выбор материала для анализа продиктован современным положением дел в российско-американских отношениях, что не могло не отразиться на представлении анализируемого феномена в массмедийном дискурсе. Для журналистики как ценностно маркированной области человеческой деятельности и для массмедиа как сферы реализации «четвертой власти» характерны «политематичность, социальная оценочность, идеологическая ориентация» [Болотнова 2017: 150].

В настоящее время мы становимся свидетелями ситуации, когда расширяется репертуар методов информационной политики, которая часто перерастает в информационно-психологическую войну. Одним из речевых приемов представления «российской агрессии» на страницах американских СМИ является метафорическая модель со сферой-источником «Война», которая используется для описания необходимости борьбы с анализируемым явлением: *Poroshenko is expressing confidence that U.S. President-elect Donald Trump will support Ukraine in its struggle against Russian aggression despite his desire to mend ties with Moscow* (Radio Liberty. January 18, 2017). <...> *All three countries (the United States, Estonia, Georgia and Montenegro. — Н. К.) have struggled for years with Russian aggression, so Pence's* (Vice Presi-

dent of the United States. — H. K.) *tough-on-Russia message will be “welcome” in each of them, said Michael McFaul, the former U.S. ambassador to Russia* (Washington Post. July 31, 2017).

Милитарная метафора используется и для описания реакции западных партнеров на «российскую агрессию». «Российскую агрессию» необходимо **сдерживать** (*deter*): *Mr. Poroshenko sought to buttress Ukraine's case by saying that it had responsibly used the nonlethal systems it had already received from the United States, and asserting that the anti-tank weapon would be used to **deter** further **Russian aggression*** (New York Times. August 24, 2017); от нее необходимо **обороняться** (*defend*) и **защищаться** (*protect*): *A range of non-cyber responses could also have been entertained, such as providing arms to Ukraine to **defend itself from Russian aggression** or ratcheting up sanctions on Russia by kicking it out of the SWIFT system of inter-bank transfers* (USA Today. April 6, 2017) <...> *The Whitehouse recently announced its intention to include \$4.8B for the European Reassurance Initiative, a special fund created during the last administration to **protect against Russian aggression*** (Seeking Alpha. June 6, 2017); с ней необходимо **бороться** (*fight*) и **сражаться** (*combat*): *In passing on his congratulations to Trump on behalf of Ukraine, the president reiterated to Yovanovitch the importance of keeping U.S. sanctions against Russia in place and said he looked forward to working with the new Trump administration” in our **fight against Russian aggression**, in our fight for freedom and democracy, and sovereignty and territorial integrity, where the United States remains our reliable partner* (Radio Liberty. November 9, 2016). <...> *Russia is beating the United States in cyber warfare, Senator John McCain has told CNN. The Arizona senator and Republican former presidential candidate told CNN's State of the Union that the U.S. needed to do more **to combat Russian aggression** or risk the “unraveling of the world order”* (Inquisitr. December 18, 2016).

Форпостом защиты западной демократии против «российской агрессии», по мнению американских СМИ, безусловно является Украина: *But Trump is really talking about indirect funding. Since 2006, each NATO member has had a guideline of spending at least 2 percent of gross domestic product on defense spending. At a 2014 summit, responding to **Russian aggression in Ukraine**, NATO members pledged to meet that guideline by 2024* (ABC News. May 31, 2017). <...> *But investigators find aspects of the meetings, as described, puzzling. Why was a banker involved? Did it have something to do with sanctions on Russia imposed by the Obama ad-*

*ministration due to **Russian aggression in Ukraine**? Why would Kushner want to use Russian communications equipment, if it's true he made that request? Where bold ideas germinate* (Christian Science Monitor. May 30, 2017).

Нетрудно догадаться, что «российская агрессия» в американских СМИ упоминается в одном ряду с присоединением Крыма к России, которое западное сообщество рассматривает как аннексию: *Pence's address and a series of one-on-one meetings with world leaders along the sidelines sought to calm nervous European allies who remain concerned about **Russian aggression**, including its **annexation of Crimea**. Many have been alarmed by Trump's positive statements about Russian President Vladimir Putin. Pence's speech aimed to reassure international partners who worry that Trump may pursue isolationist tendencies* (Northwest Arkansas. February 19, 2017). <...> *Poroshenko said that Trump had raised “the question of the **Russian aggression** and illegal **annexation of Crimea**” in a phone conversation a few days after the Republican candidate's election victory* (Radio Liberty. November 24, 2016).

Следует отметить, что концепт «российская агрессия» представлен не только в американском массмедийном, но и в официальном дискурсе, к которому вполне можно отнести высказывания политических лидеров. Так, на встрече министров иностранных дел стран — членов НАТО в марте 2017 г. госсекретарь США Рекс Тиллерсон сказал: *Наконец, мы хотим обсудить позицию НАТО в Европе, в частности, на востоке Европы, в ответ на агрессию России на Украине и в других местах. — NATO needs to discuss its force posture, “particularly Eastern Europe in response to Russia's aggression in Ukraine and elsewhere”.*

Безусловно, что подобные высказывания на официальном уровне не могли не вызвать реакцию со стороны МИД России. В официальном Комментарии Департамента печати и информации МИД России по итогам министерской сессии Совета НАТО сказано: *Поддержание единства в рядах многосторонней структуры — тем более такой как НАТО, куда входят столь различные государства, — насколько можно судить, дело непростое. Важно иметь сильный объединяющий мотив. Натоевским министрам, как следует из их же комментариев, долго искать такой мотив не пришлось — у них на уме всегда одно и то же: миф о „российской угрозе“, клевета о „российской агрессии“ и бесконечные заклинания о необходимости ей „коллективно противостоять“* [Комментарий Департамента информации и печати МИД России по итогам министерской сессии

Совета НАТО [http](http://)].

Прагматический потенциал официального комментария МИД России созвучен утверждению В. А. Жилиной о том, что «погружение американского или западного обывателя в „угрозы со стороны русского медведя“ позволяет не только закамуфлировать явные причины современных военных агрессий, но и сформировать внутренние стимулы для преодоления сложных негативных тенденций развития» [Жилина 2015: 66].

Выражение «российская агрессия» употребляется и в украинских СМИ, однако ограниченный объем статьи не позволяет нам привлечь достаточное количество украинских публикаций, в которых использован данный феномен. Перейдем к понятию «российский след», которое не менее активно используют СМИ Украины.

«РОССИЙСКИЙ СЛЕД» ПО-УКРАИНСКИ

Украинские СМИ находятся под сильным внешним давлением, вынуждающим их формировать в сознании потребителя массовой информации резко негативный образ России. К причинам этого мы в предыдущих публикациях отнесли «наличие политического задания (в известной степени аналогичного техническому заданию — брифу); конструирование доминантного информационного пространства; использование СМИ как пропагандистской машины; „вброс“ чужого контента (информационных уток, фейковых новостей); „цензурное давление“; информационную изоляцию, давление спецслужб и неизвестных личностей; давление отдельных известных личностей» [Руженцева 2013: 122—124]. Анализ речевого материала показывает, что феномен «российской агрессии» активно обсуждается в западных СМИ — на Украине же он репрезентирован лишь в официальном дискурсе. В свою очередь, украинский массмедийный дискурс эксплуатирует такое понятие, как «российский след». Эти выражения можно, с нашей точки зрения, назвать атакующими — «именно их авторы хотят сделать в первую очередь достоянием адресата, „продавить“ в его сознание» [Там же: 125]. Так, в июле 2017 г. президент Украины Петр Порошенко на брифинге по итогам встречи со своим коллегой Александром Лукашенко заявил, что за все время **российской агрессии на Донбассе погибли 11 тысяч украинских граждан** [Российская агрессия убила 11 тысяч украинцев — Порошенко. [http](http://)]. Подобное заявление манипулятивного характера контекстуально поддержано использованием другой манипулятивной техники — «навешивание ярлыков», когда номинация «агрессор» употребляется по

отношению к стране, против которой были выдвинуты подобные обвинения, в данном случае против России: *Только за последние два дня агрессор убил 8 украинских защитников*. Статус России как «страны-агрессора» был официально закреплен в «Законе о реинтеграции Донбасса», принятом Верховной радой Украины 6 октября 2017 г.

Другим устойчивым словосочетанием, активно тиражируемым украинскими СМИ, является номинация «российский след». Так, после покушения в октябре 2017 г. на народного депутата Украины VIII созыва Игоря Мосийчука в МВД Украины поспешили заявить, что «в покушении на народного депутата Игоря Мосийчука может быть „российский след“, так как в его убийстве заинтересован глава Чечни Рамзан Кадыров» [Покушение на Мосийчука: в полиции не исключают российский след. [http](http://)].

Во многих публикациях на страницах украинских СМИ понятие «российский след» не эксплицировано на лексическом уровне, а имплицитно выводится из общего содержания материала через употребление следующих конструкций: «*Был выгоден России*», «*причастность спецслужб РФ*», «*„подстава“ российских спецслужб*». Приведем примеры публикаций из украинских СМИ о так называемом «российском следе».

Пример 1: экспликация

● *В СБУ заявляют, что обстрел консульства Польши может быть выгоден России, он был осуществлен из гранатомета РПГ-26, одна из версий следствия — теракт. Об этом говорится в заявлении СБУ, распространенном в среду. „По предварительным данным причиной стал выстрел из гранатомета РПГ-26. Жертв в результате взрыва нет. На месте работают следственно-оперативные группы СБУ и полиции“, — говорится в заявлении. „Следствие рассматривает несколько версий инцидента, в том числе и террористический акт“, — добавили в документе. В СБУ не исключают российский след в этой провокации [СБУ не исключает российский след и теракт в обстреле консульства Польши. [http](http://)].*

Пример 2: импликация

● *Служба безопасности предупредила в Киеве покушение на государственного деятеля, которое планировалось осуществить при кураторстве российских спецслужб. Об этом 21 января на брифинге сообщил глава СБУ Василий Грицак. „Вчера сотрудники СБУ разоблачили, задокументировали и на этапе выполнения предотвратили покушение на жизнь государственного деятеля, народного депутата Украины. По нашим данным, операция по*

физической ликвидации нардепа планировалась, готовилась и контролировалась с территории России», — сообщил Грицак. Имя упомянутого нардепа глава СБУ не сообщил. Грицак продемонстрировал фото- и видеодоказательства в подтверждение сообщения. *„Это дает нам основания предполагать о причастности к организации покушения спецслужб РФ“*, — добавил глава СБУ [Грицак рассказал про «российский след» в подготовке покушения на нардепа. [http](#)].

Пример 3: импликатура

- Правоохранители задержали в Ягодине гражданина Франции, который мог быть причастен к подготовке порядка 15 терактов во Франции к Чемпионату Европы по футболу. Глава Службы безопасности Украины Василий Грицак на пресс-конференции не исключил, что за этим могут стоять российские спецслужбы. По его словам, француз хотел провезти много оружия, которое планировалось применить для терактов в Европе. *„Нам удалось предупредить серию террористических актов. Объектами подрыва должны были стать: мусульманская мечеть, еврейская синагога, учреждение, которое занимается сборами налогов с граждан Франции, пункты наблюдения за автобанами и много других мест. Планировалось провести 15 терактов“*, — сказал Грицак. *«...» „Это может быть „подстава“ российских спецслужб. Я думаю, мои слова не очень понравятся представителям российских спецслужб, но факт остается фактом“*, — заявил Грицак [Глава СБУ: предупредили теракты во Франции, возможна «подстава» РФ. [http](#)].

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОЙ СТОРОНЫ

Вариантов реакции на дискурсивный феномен «российский след» нами не зафиксировано, однако разнонаправленные реакции российской стороны на феномен «российская агрессия» были отмечены неоднократно. К таким реакциям относятся следующие.

1. Прямое опровержение самого существования российской агрессии в официальном комментарии МИД России в связи с публикациями СМИ (основным средством опровержения является модальная частица *якобы*):

*„Неотложные следственные действия“ почему-то не помешали украинской стороне приглашать к задержанному россиянину представителей СМИ для раскручивания любимой властями темы о **якобы имеющей место „российской агрессии“** на*

Украине [Комментарии Департамента информации и печати МИД России в связи с публикациями ряда СМИ по делу задержания на Украине россиянина В. А. Агеева. [http](#)].

2. Прямое официальное опровержение факта существования «российской агрессии» (основные средства опровержения — оппозиция «пропагандистский — реальный», негативно-оценочная лексика):

Лозунги о т.н. „российской агрессии“ — пропагандистское прикрытие желания поддерживать конфликт. О готовности реально добиваться мирного урегулирования украинского кризиса мы узнаем, когда увидим шаги, направленные на прекращение карательной операции против жителей Донбасса, обуздание, а не легализацию националистов, провоцирующих перестрелки у линии соприкосновения, занимающихся насилием и грабежом [Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ОБСЕ А. К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей, Вена, 14 декабря 2017 года].

3. Смешанное (прямое и не прямое) опровержение факта существования «российской агрессии» в неофициальном комментарии российско-украинских взаимоотношений. Автор заменяет выражение «российская агрессия» дисфемизмом (более жестким выражением «уничтожение украинского государства»), используя для опровержения эмоциональные аргументы и приемы из области фигуративной практики:

Россия пытается уничтожить Украину? Нет, она удерживает ее от суицида.

Ложь — визитная карточка Киева.

Здесь что ни пункт, то чудовищная и изощренная ложь, переворачивание ситуации на Украине и в Донбассе с ног на голову.

Не Россия начала борьбу с проникновением на свой рынок товаров из соседней страны. Не российские патриоты грабят оказавшиеся на ее территории фуры или громят украинские банки.

В сущности, Россия не только не пытается уничтожить Украину, но, напротив, она парадоксальным образом спасает соседнее государство от погружения в полный хаос, нищету и кровавую гражданскую войну [Лепехин. [http](#)].

4. Прямое убеждение в существовании «российской агрессии»/«российской угрозы» посредством развивающих тезисов и аргументов-мнений (случай, когда основной тезис, по сути, доказывается самим собой):

ОСНОВНОЙ ТЕЗИС: *Российская угроза*

представляет собой серьезный вызов всему западному обществу.

РАЗВИВАЮЩИЙ ТЕЗИС — 1: Основное и базовое отличие реакции цивилизованного мира на Россию от реакции России на этот мир в том, что странам Запада в противостоянии с Москвой приходится сталкиваться с реальной, а не мнимой угрозой.

РАЗВИВАЮЩИЙ ТЕЗИС — 2: Российская угроза несравнимо страшнее и деструктивнее, чем действия на международной арене тех же Соединенных Штатов.

АРГУМЕНТЫ-МНЕНИЯ:

- *Страх, ненависть и ложь вроде „украинского фашизма“ или „американской агрессии“ — вот основные продукты, распространяемые российской пропагандой.*

- *Пожалуй, важнейшее отличие от США — это использование Россией в своих целях военных, криминала и террористов, причем в странах Европы. Даже если не брать во внимание высказываемые многими экспертами недоказанные подозрения о связях российской разведки с ИГИЛ, достаточно привести в пример аннексию Крыма, войну на Донбассе и подготовку несостоявшегося переворота в Черногории, чтобы утверждать, что международный терроризм в Европе является нормой поведения для сегодняшней России — и т. д. [Кириллова. http].*

Спектр вариативных речевых реакций на феномен «русской агрессии» гораздо шире, чем сказано выше. Нам хотелось бы подчеркнуть лишь тот факт, что разнонаправленное речевое представление обоснований есть и для мнений за существование данного феномена, и для мнений против. В данном контексте актуальны исследования в области теории и практики аргументации и такого коммуникативного феномена, как ирония, особенно при анализе неформальных интернет-комментариев положения в Украине.

ВЫВОДЫ

Таким образом, информационно-психологическая война, разворачиваемая в настоящее время на страницах средств массовой информации и в официальном дискурсе, характеризуется трансляцией деструктивных смыслов, психологическим и речевым воздействием на целевую аудиторию и — как следствие — дестабилизацией отношений между народами и государствами. Вариантов ответных действий на подобную агрессию может быть несколько: опровергать ложные сведения, пытаться оправдаться, предпринять контрмеры, использовать средства негативной оценки, иронию и

разные способы аргументации. Однако мы полагаем, что следование ценностным нормам должно стать ориентиром в деятельности журналистов любого уровня и любого издания. Журналистика фактов не должна подменяться журналистикой мнений, когда нарушается золотое правило «Невозможно показать то, чего нет».

ИСТОЧНИКИ

1. British National Corpus. NOW Corpus [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/now> (date of access: 28.09.2017).

2. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ОБСЕ А. К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей [Электронный ресурс]. Вена. 2017. 14 дек. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news (дата обращения: 02.01.2018).

3. Глава СБУ: предупредили теракты во Франции, возможна «подстава» РФ [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2016. 6 июня. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2016/06/6/7110897/> (дата обращения: 27.10.2017).

4. Грицак рассказал про «русский след» в подготовке покушения на нардепа [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2017. 21 янв. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/01/21/7133079/> (дата обращения: 27.10.2017).

5. Лелехин В. Россия пытается уничтожить Украину? Нет, она удерживает ее от суицида [Электронный ресурс]. URL: <http://rusvesna.su/news> (дата обращения: 02.01.2018).

6. Кириллова К. Российская угроза [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stopfake.org> (дата обращения: 02.01.2018).

7. Покушение на Мосийчука: в полиции не исключают российский след [Электронный ресурс]. URL: <http://news.liga> (дата обращения: 27.10.2017).

8. Российская агрессия убила 11 тысяч украинцев — Порошенко [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2017. 21 июля. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/07/21/7150199/> (дата обращения: 27.10.2017).

9. СБУ не исключает российский след и теракт в обстреле консульства Польши [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2017. 29 марта. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/03/29/7139612/> (дата обращения: 27.10.2017).

ЛИТЕРАТУРА

10. Богоявленская Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 163—166.

11. Болотнова Н. С. Отражение медийных коммуникативных универсалий в медиатекстах разных жанров // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 149—160.

12. Борискина О. О., Доница О. В. Корпусные технологии в политической метафорологии: «террор» и «терроризм» по данным электронных ресурсов // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 167—171.

13. Борискина О. О., Шилихина К. М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. 2017. № 2. С. 30—53.

14. Воркачев С. Г. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Филология. 2016. № 3. С. 111—116.

15. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. — М.: КРАСАНД, 2010.

16. Жилина В. А. Российская агрессия или агрессия против России: сущностные аспекты бытия современного российского общества // Мировоззренческие основания культуры современной России. — Магнитогорск, 2015. С. 66—70.

17. Задобровская О. Ф., Борискина О. О. Корпус как исследовательский инструмент для лингвиста // Информатика: проблемы, методология, технологии. — Воронеж, 2016. С. 202—205.

18. Карасик В. И. Концептуализация социального действия:

«мероприятие» // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 32—38.

19. Карасик В. И. Языковое проявление личности. — М.: Гнозис, 2015.

20. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2015.

21. Руженцева Н. Б. Массмедийный политический дискурс: давление контекста и давление контента в свете украинских событий // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе. — Екатеринбург: УрГПУ; Цюрихский ун-т, 2013. С. 119—132.

22. Суходолов А. П. Идеологическая функция средств массовой информации в условиях информационных войн // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 2. С. 117—126.

N. N. Koshkarova

Chelyabinsk, Russia

N. B. Ruzhentseva

Ekaterinburg, Russia

E. N. Zotova

Chelyabinsk, Russia

“RUSSIAN AGGRESSION” AMERICAN-STYLE AND “RUSSIAN TRACE” UKRAINIAN-STYLE

ABSTRACT. *The paper is devoted to the analysis of the “Russian aggression” representation in the American mass-media and the “Russian trace” in the Ukrainian mass-media. The data of the subcorpus News on the Web (NOW Corpus) from the British National Corpus and the Ukrainian Internet mass-media serve as the material for the analysis. Corpus studies represent the combination of Information and Communication Technologies and the reflection of the linguistic situation. Another opportunity of using a language corpus is its application as a means of studying and interpreting the axiogenic situations. The mass-media, being represented in the national language corpora and in the Internet, transmit axiological prescriptions and priorities of the political communication actors, reflect the conceptual “friend-foe” opposition of the relevant type of discourse, cause the discourse destruction, the definition of which is given in the paper. The analysis of the linguistic and pragmatic characteristics of the “Russian aggression” and the “Russian trace” at a new round of information and psychological warfare proves the fact that the influence of the phenomena under study is quite strong and generates a backlash on the part of the Russian mass-media and online outlets. This reaction can be characterized as rebuttal and, on the contrary, as support with negative evaluation semantics. The conclusion is made that information and psychological warfare being unleashed in the mass-media is characterized by the transmission of the destructive narratives, psychological and speech influence on the target audience, disruption of the states’ relations. The situation is considered to be dangerous when journalism of facts is substituted by journalism of opinions and information and psychological warfare turns into information aggression.*

KEYWORDS: *axiogenic substance; political discourse; media discourse; media texts; mass media; media; image of Russia; corpus studies.*

ABOUT THE AUTHORS: *Koshkarova Natalya Nikolayevna, Doctor of Philology, Professor of International Relations and Foreign Regional Studies Department, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

Ruzhentseva Natalya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Zotova Elizaveta Nikolayevna, Bachelor Degree Student of the Programme “International Relations”, International Relations and Foreign Regional Studies Department, Institute of Linguistics and Intercultural Communications, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia.

REFERENCES

1. British National Corpus. NOW Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/now> (date of access: 28.09.2017).

2. Vystuplenie Postoyannogo predstavatelya Rossiyskoy Federatsii pri OBSE A. K. Lukashovicha na zasedanii Postoyannogo soveta OBSE o situatsii na Ukraine i neobkhodimosti vypolneniya Minskikh dogovorennostey [Elektronnyy resurs]. Vena. 2017. 14 dek. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news (data obrashcheniya: 02.01.2018).

3. Glava SBU: predupredili terakty vo Frantsii, vozmozhna «podstava» RF [Elektronnyy resurs] // Ukrainskaya pravda. 2016. 6 iyunya. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2016/06/6/7110897/> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

4. Gritsak rasskazal pro «rossiyskiy sled» v podgotovke pokusheniya na nardepa [Elektronnyy resurs] // Ukrainskaya pravda. 2017. 21 yanv. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/01/21/7133079/> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

5. Lepekhin V. Rossiya pytaetsya unichtozhit' Ukrainu? Net, ona uderzhivaet ee ot suitsida [Elektronnyy resurs]. URL: <http://rusvesna.su/news> (data obrashcheniya: 02.01.2018).

6. Kirillova K. Rossiyskaya ugroza [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.stopfake.org> (data obrashcheniya: 02.01.2018).

7. Pokushenie na Mosiychuka: v politzii ne isklyuchayut Rossiyskiy sled [Elektronnyy resurs]. URL: <http://news.liga> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

23. Bogoyavlenskaya Y. V., Nakhimova E. A., Chudinov A. P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2016. № 2 (47). P. 39—48.

24. Brinton L. J. Historical pragmatics and corpus linguistics: problems and strategies // Language and Computer. 2012. № 76. P. 101—131.

25. Lopez-Couso M. J., Mendez-Naya B., Nunez-Pertejo P., Palacios-Martinez I. J. From the Fringe to the Mainstream: English Corpus Linguistics Moving Ahead. — Leiden: Koninklijke Brill Nv, 2016. P. 1—18.

26. Postolea S. State-of-the-art Text Linguistics: Corpus-Analysis Tools. A Practical Demonstration // Philologica Jassyensia. An X. 2014. Nr. 1 (19). Supliment. P. 51—59.

8. Rossiyskaya agressiya ubila 11 tysyach ukraintsev — Poroshenko [Elektronnyy resurs] // Ukrainskaya pravda. 2017. 21 iyulya. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/07/21/7150199/> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

9. SBU ne isklyuchaet Rossiyskiy sled i terakt v obstrele konsul'stva Pol'shi [Elektronnyy resurs] // Ukrainskaya pravda. 2017. 29 marta. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/03/29/7139612/> (data obrashcheniya: 27.10.2017).

10. Bogoyavlenskaya Yu. V. Reprezentativnost' lingvisticheskogo korpusa: metod verifikatsii dostovernosti poluchennykh dannykh // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 163—166.

11. Bolotnova N. S. Otrazhenie mediynnykh komunikativnykh universalii v mediatekstakh raznykh zhanrov // Sibirskiy filologicheskii zhurnal. 2017. № 1. S. 149—160.

12. Boriskina O. O., Donina O. V. Korpusnye tekhnologii v politicheskoy metaforologii: «terror» i «terrorizm» po dannym elektronnykh resurov // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 167—171.

13. Boriskina O. O., Shilikhina K. M. Korpusnye issledovaniya politicheskogo diskursa v lingvistike // Politicheskaya nauka. 2017. № 2. S. 30—53.

14. Vorkachev S. G. «Reliktovoe chuvstvo»: poryadochnost' po dannym korpusnoy lingvistiki // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. Filologiya. 2016. № 3. S. 111—116.

15. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstv:

opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi. — M. : KRASAND, 2010.

16. Zhilina V. A. Rossiyskaya agressiya ili agressiya protiv Rossii: sushchnostnye aspekty bytiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Mirovozzrencheskie osnovaniya kul'tury sovremennoy Rossii. — Magnitogorsk, 2015. S. 66—70.

17. Zadobrivskaya O. F., Boriskina O. O. Korpus kak issledovatel'skiy instrumentariy dlya lingvista // Informatika: problemy, metodologiya, tekhnologii. — Voronezh, 2016. S. 202—205.

18. Karasik V. I. Kontseptualizatsiya sotsial'nogo deystviya: «meropriyatie» // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3 (37). S. 32—38.

19. Karasik V. I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti. — M. : Gnozis, 2015.

20. Koshkarova N. N. Konfliktnyy i kooperativnyy tipy russko-yazychnogo diskursa v mezhkul'turnom politicheskom prostranstve : dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2015.

21. Ruzhentseva N. B. Massmediynny politicheskiy diskurs: davlenie konteksta i davlenie kontenta v svete ukrainskikh soby-tiy // Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropey-

skom politicheskom diskurse. — Ekaterinburg : UrGPU ; Tsyurikhskiy un-t, 2013. S. 119—132.

22. Sukhodolov A. P. Ideologicheskaya funktsiya sredstv massovoy informatsii v usloviyakh informatsionnykh voyn // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. T. 4. № 2. S. 117—126.

23. Bogoyavlenskaya Y. V., Nakhimova E. A., Chudinov A. P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2016. № 2 (47). P. 39—48.

24. Brinton L. J. Historical pragmatics and corpus linguistics: problems and strategies // Language and Computer. 2012. № 76. P. 101—131.

25. Lopez-Couso M. J., Mendez-Naya B., Nunez-Pertejo P., Palacios-Martinez I. J. From the Fringe to the Mainstream: English Corpus Linguistics Moving Ahead. — Leiden : Koninklijke Brill Nv, 2016. P. 1—18.

26. Postolea S. State-of-the-art Text Linguistics: Corpus-Analysis Tools. A Practical Demonstration // Philologica Jassyensia. An X. 2014. Nr. 1 (19). Supliment. P. 51—59.